

Приволжский федеральный округ: наброски этнополитической карты

Беляков Р.Ю.

Кандидат исторических наук, доцент

В статье анализируются этнополитические процессы, происходящие в Приволжском федеральном округе. Автор рассматривает «плюсы» и «минусы» создания федеральных округов как части административно-территориального устройства России, предлагает собственную дифференциацию регионов Приволжского федерального округа по принципу политического устройства. В работе предлагается типологизация этнических конфликтов в регионах Приволжского федерального округа и дается оценка этнорелигиозной ситуации Поволжья.

Решение о создании на территории Российской Федерации семи федеральных округов в начале было встречено весьма неоднозначно как в центре, так и в регионах. Многие воспринимали его как не очень продуманное и эффективное. Однако за прошедшие восемь лет новый уровень административно-территориального устройства страны стал обыденным явлением. Более того, вопреки многочисленным предсказаниям, новая администрация Президента Медведева ничем не обозначила стремление к пересмотру решения о создании округов.

В связи с этим есть все основания рассматривать федеральные округа как политические и экономические мегарегионы со складывающимися чертами общности.

Одним из наиболее интересных мегарегионов является Приволжский федеральный округ, в состав которого входят 14 регионов Российской Федерации, шесть из которых представляют собой национально-государственные образования.

Приволжье остается одной из самых густонаселенных территорий современной России, уступая по численности населения только Центральному федеральному округу. По оценкам органов государственной статистики, на 1 ян-

варя 2008 года в округе проживает 30 с четвертью миллионов человек, что составляет 21,3 % всего населения Российской Федерации.

Традиционно Поволжско-Уральский регион относится к разряду наиболее стабильных в социально-экономическом и политическом отношении территорий.

Основы этого феномена заложены, прежде всего, тем, что земли по среднему течению Волги и Камы находятся в составе России очень давно. Процесс интеграции начался в XIII веке (Нижегородчина) и завершился в конце XVI столетия (Казанский край, Башкирия, Оренбургские земли).

Сегодня здесь нет угрозы демографического коллапса, который назревает на Дальнем Востоке и в Сибири, нет по соседству зон потенциальных военных и межнациональных конфликтов, как на Юге страны, не формируются явные геополитические угрозы, которые усиливаются в отношении Северо-Запада и Центра России.

В то же время существенные и все ускоряющиеся перемены не могли не затронуть и Поволжье.

Во-первых, впервые с середины XVIII века регион перестал быть удаленным от границ государства. Приволжский федеральный округ сегодня имеет протяженную внешнюю границу.

Во-вторых, как и в целом по стране, наметились изменения в традиционной этноконфессиональной структуре населения. Регионы округа испытывают явное миграционное давление, хотя оно в целом ниже, чем в других мегарегионах.

В-третьих, за последние годы просматривается устойчивая тенденция снижения доли регионов ПФО в общегосударственном производстве, на фоне чего растет региональная социально-экономическая дифференциация.

По мнению экономистов, регионы округа следует разделить на три группы:

1. «Сырьевые» регионы, где обозначилась особая роль нефтяной, газовой и нефтехимической промышленности (Башкортостан, Татарстан, Оренбургская область).

2. «Промышленные» регионы (Самарская, Пермская, Нижегородская области).

3. «Сельскохозяйственные» регионы (Марий Эл, Мордовия, Пензенская область).

Что касается остальных, то их обычно относят к экономикам смешанного типа.

Суммарный объем валового регионального продукта регионов ПФО в 2006 году составил 3,5 трлн. руб., что составляет 15,7 % совокупного ВРП по Российской Федерации. ПФО занимает третье место по этому показателю после Центрального и Уральского федеральных округов. В пяти регионах из 14 ВРП в 2006 году составил менее 100 млрд. руб.

При этом разрыв между объемами ВРП субъектов федерации в 2006 году составил 14,2 раза (Татарстан – Марий Эл), а в прошлом году прогнозируется на уровне более 15 раз.

Разрыв же показателей ВРП на душу населения не столь огромен и составил 2,68 раза (Татарстан – Марий Эл). Среднедушевые показатели регионов ПФО на треть меньше общероссийских показателей. Хуже дела обстоят только в Южном федеральном округе, в отношении социально-экономического развития ряда регионов которого все чаще применяется понятие «деградация».

Снижение базовых экономических показателей регионов ПФО приводят к отставанию и в социальной сфере. Лишь один регион ПФО Самарская область достигает среднероссийских показателей доходов на душу населения. В пяти регионах (Мордовия, Марий Эл, Сара-

товская область, Чувашия, Пензенская область) этот показатель примерно в два раза ниже.

Анализ показывает, что лидирующие позиции по росту ВРП не конвертируются в соответствующий рост доходов населения. Например, наиболее мощные по этому показателю Татарстан и Башкирия занимают в округе соответственно третье и пятое место по уровню душевых доходов.

Таким образом, социально-экономическое положение в большинстве регионов ПФО в настоящее время обозначает присутствие достаточно серьезных негативных тенденций.

Политическая власть в Приволжье характеризуется достаточно высокими показателями стабильности. Именно в этом округе сконцентрирован наибольший процент губернаторов – политических долгожителей, которые стоят у власти по 10-20 лет и прочно удерживают политическую инициативу в своих руках.

Замены региональных лидеров в основном приходились на период ельцинского безвластия, когда на губернаторских выборах в ряде субъектов федерации правящие администрации потерпели поражение. Другие прецеденты, как правило, носили плановый и давно анонсируемый характер (Саратов, Ульяновск, Самара). В последнее время в числе «слабых» звеньев в политической связке «центр-регионы» считались Пермский край и Кировская область, в которых действующие администрации не сумели обеспечить среднероссийские параметры политического контроля на федеральных и региональных выборах и не смогли избежать элементов внутриэлитного раскола и конфликтов. Однако и после официальной смены власти в московском Кремле федеральный центр не инициировал решение кадровых вопросов на губернаторском уровне в регионах ПФО.

Итоги избирательного цикла 2007-2008 гг. окончательно выявляют дифференциацию регионов ПФО на два типа политического устройства:

1. Система абсолютного господства «партии власти» в лице «Единой России» (Мордовия, Башкортостан, отчасти Татарстан).

2. Менее одномерный политический процесс, в котором более заметно присутствие иных политических сил.

Следует отметить, что принципиальных различий между этими двумя моделями не существует.

Во-первых, обе развиваются в рамках продолжающейся унификации российского политического пространства, при котором федеральный центр фактически устанавливает «контрольные цифры» политической поддержки основных партий.

Во-вторых, обязательное преобладание «Единой России» по регионам имеет только арифметические отличия.

В-третьих, важно отметить, что формально ни в одном регионе не свернута, да и не может быть свернута многопартийность.

В сфере публичной политики большинства регионов ПФО присутствуют сходные темы: коррупция, кризис элиты различного уровня.

Все большую роль начинает играть так называемая «коррупция показателей», при которой нарастает погоня за дутыми цифрами развития регионов, чему в немалой степени способствует прямая привязка оценки результатов деятельности властей регионального и местного уровней сквозь призму утвержденного сверху набора отчетных показателей. К слову сказать, в этом ничего особенно нового не наблюдается. Именно таким же путем шли бывшие партийно-советские лидеры Узбекистана, Грузии, Азербайджана и других регионов, которые утверждали свой личный авторитет и искусственно повышали роль своей республики в межреспубликанском распределении социально-экономических благ. Следует отметить, что в федеральном центре, который, безусловно, в принципе весьма заинтересован в поддержании позитивного морального и психологического тонаса методами популяризации все новых побед, все же растет недовольство и недоверие к той информации, которая поступает из регионов. Участившиеся проверки и расследования, по всей видимости, объясняются не только очередной кампанией борьбы с коррупцией, но и этими явлениями.

Этнополитические движения, которые в конце 80-х и в начале 90-х годов в ряде регионов получили достаточно серьезный размах, имели определенную поддержку среди населения, опирались на сочувственное отношение и час-

ти кадрового корпуса регионального управленческого аппарата, в настоящее время находятся либо в анемичном, либо в откровенно кризисном состоянии.

Этнические конфликты на территории регионов ПФО можно разделить на три типа:

1. Традиционные или «тлеющие» конфликты. К ним относятся, например, застарелые противоречия между основными этническими общинами Республики Башкортостан, преимущественно между башкирами и татарами. Его формирование связано еще с процессами национально-государственного размежевания 20-х годов прошлого века, а затем с советской практикой администрирования в национальном вопросе в БАССР. Активизация конфликтной среды пришлась на период суверенизации Татарстана и Башкортостана и связанного с этим процессом роста этнополитического движения. К числу тлеющих конфликтов относятся и внутриэтнические противоречия среди мордвы (эрзя – мокша).

2. Искусственные или «привнесенные» конфликты. Примером может служить шумиха, которая была поднята несколько лет тому назад вокруг темы «ущемления прав марийского народа». Эта кампания практически полностью носила внешний вектор благодаря вовлечению в нее официальных представителей Эстонии и Финляндии. Большинство специалистов в Татарстане склонно аналогично оценивать и вопрос об этническом самоопределении кряшен, в последний раз возникший накануне переписи 2002 года. Попытки создать НКА кряшен встречают поддержку всего лишь у крайней узкой группы лиц и не основаны на действующем законодательстве.

3. Потенциальные конфликты. В качестве таковых следует рассматривать взаимоотношения между традиционным населением и новыми диаспорами. Элементы взаимного недовольства и недоверия фиксируют большинство социологических исследований.

Этнорелигиозная ситуация в Поволжье остается в целом стабильной. Мегарегион является самой северной зоной взаимодействия христианства и ислама. Давние корни имеют здесь и межхристианские отношения (православие-католицизм-протестантизм-старообрядчество).

Наконец, Поволжье – это место устойчивого присутствия иудаизма и язычества.

Конечно, было неверно утверждать о полностью бесконфликтном сосуществовании различных конфессий. 90-е годы дали примеры отпадения от Московского патриархата части прихожан и клира в различные полуполитизированные номинации, попыток массового возрождения язычества среди традиционных народов Поволжья, разногласий в связи с активизацией католической миссии в регионах Поволжья. Время от времени фиксировались локальные конфликты с участием мусульман и христиан. Однако политизированные заявления в стиле муфтия Нифигуллы Аширова или бывшего функционера Отдела внешних церковных связей РПЦ Романа Силантьева, к счастью, не задают тон в исламо-христианских отношениях.

При этом следует обратить внимание на заметную активизацию различного рода сект, которые формально заявляют о приверженности основным религиозным номинациям, но на практике занимают достаточно асоциальную, а подчас и откровенно экстремистскую позицию. В этой связи можно упомянуть казанских фэйзрахманистов и пензенских «сидельцев». Общественное мнение совершенно справедливо ощущает потенциальную опасность, которая исходит от подобного рода сект. Однако меры противостояния им до сих пор не продуманы.

Вывод, к которому приходит подавляющее большинство экспертов, состоит в том, что в этнополитическом и этнорелигиозном планах Поволжский регион представляет из себя зону относительной стабильности.

Этнокультурная среда Поволжья имеет те же проблемы и вопросы, что и в большинстве других регионов. В первую очередь, это агрессивное давление на традиционные ценности со стороны массовой культуры, которая стремительно деформирует и разрушает культурный этномир. В национальных республиках, за редким исключением, несмотря на достаточно последовательные попытки властей совершенствовать структуру государственной поддержки традиционной культуры, не только сохраняются, но и в определенной степени усугубляются проблемы с языками народов, а также с национальной системой образования. Пришедшая на смену советской философии интернационализма современная тотальная денационализация сознания, быта, культуры все меньше приветствуется даже последовательными сторонниками глобализации.

Таким образом, в условиях стабильного развития страны недопущение на региональном уровне появления и усиления негативных тенденций требует все более скоординированных и продуманных совместных действий государства, гражданского общества, особенно таких его секторов как этнокультурное движение и традиционные конфессии.

Volga Federal District: the Outline of its Ethno Political Map

The paper examines ethno political processes in Volga federal district. The author analyzes the advantages and disadvantages of creating federal districts as parts of administrative-territorial system of the Russian Federation; and offers his own differentiation of the regions belonging to Volga federal district in accordance with their political order. The paper presents typology of ethnical conflicts in the regions of Volga federal district and estimates ethno religious situation.

